

УДК 316.4

Д.А. Котов

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ «БЛАГОПОЛУЧНОГО КЛАССА»

Протестные настроения населения, наблюдаемые в последнее время, являются проявлением высокого уровня социальной тревожности и социальной напряженности. В проявлениях протестной активности принимают участие широкие слои населения, в том числе и представители «благополучного класса». В классической ситуации «благополучные» слои населения не склонны к протестным действиям. В статье рассматриваются возможные причины возникновения социальной тревожности и социальной напряженности и выдвигается объяснение наблюдаемых процессов.

Ключевые слова: *социальная напряженность, социальная тревожность, социальное самочувствие, протестные настроения.*

Протестные настроения последних месяцев, являющиеся проявлением социальной тревожности и социальной напряженности в обществе, затронули в первую очередь слои населения традиционно считающиеся благополучными. Как показывают опросы, проведенные ВЦИОМ, до 80% участников митингов и акций протеста определяют свой материальный статус как средний или высокий [1]. Перед нами наиболее активная часть общества – «благополучный класс», включающий в себя представителей «среднего класса», «интеллектуального класса», «креативного класса». Сложившаяся ситуация заставляет задуматься о причинах возникновения протестных настроений у представителей этих социальных групп, которые являются в целом, благополучными и успешными, и их протест не связан с низким уровнем жизни, неуверенностью в своем будущем и т.д.

Как отмечают многие исследователи, протестные настроения являются следствием накопившейся в обществе социальной напряженности и социальной тревожности. Рассмотрим подробнее, что представляют собой эти явления, определяемые междисциплинарными понятиями и входящие в категориальный аппарат социологии, психологии, философии, политологии [2, 3].

Социологические концепции, касающиеся социальных напряжений, многообразны и противоречивы. О понятии «социальная напряженность» в литературе имеется около десятка определений, и в большинстве случаев понятие «социальная напряженность» связывается с социальной дезинтеграцией, девиацией, аномией, утратой социальной идентичности, депривацией, фрустрацией основных потребностей личности (группы, общности) [3. С. 4].

Иностранные и отечественные исследователи отличаются в своих подходах к рассмотрению социальной напряженности. Зарубежные специалисты больше внимания уделяют психологической стороне социальной напряженности, природа напряжений объясняется «неправильным» психическим поведением индивидов и термин «социальная напряженность» используется для характеристики специфической социальной ситуации. В своих трудах соци-

альную напряженность изучали Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Л. Козер, К. Левин, Л. Фестингер и другие исследователи, которые считали, что причинами социальной напряженности могут быть как индивидуальные психологические, так и социальные причины.

Первым из сторонников структурно-функционального подхода Э. Дюркгейм ввел в категориальный аппарат социологии и исследовал социальную напряженность при анализе процесса дезинтеграции [4. С. 20–23]. Рассматривая дезинтеграцию, Э. Дюркгейм писал, что биологическая природа человека находится в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания, что обуславливает никогда не прекращающееся внутреннее беспокойство, чувство напряженности и тревоги. Только контролирующее действие общества сдерживает биологическую природу человека, создавая определенные рамки. Ослабление контроля общества над индивидом приводит к возникновению аномии, состоянию дезинтеграции общества и индивида. При таком ослаблении контроля отсутствует твердая моральная регуляция индивидуального поведения и складывается ситуация, когда старые нормы и ценности уже не выполняют своей роли, а новые еще не утвердились. Это состояние противоположно моральному порядку, регуляции, контролю, характеризующим нормальное, «здоровое» состояние общества [5. С. 171].

Вслед за Э. Дюркгеймом Р. Мертон продолжил анализ условий и характерных особенностей возникновения и разворачивания социальной аномии, имеющей много общих черт с социальной напряженностью. По мнению Р. Мертона, социальная аномия возрастает вследствие нарушения равновесия между целями и средствами как фазами социальной структуры. При этом с помощью установленного социального порядка регулируется «социальная переработка» возникающих напряжений, и неснятая напряженность может проявляться в явном или неявном виде [6. С. 26; 7. С. 118–124].

Теория социальных изменений Т. Парсонса внесла значительный вклад в понимание механизмов формирования социальной напряженности. Понятие «напряженность» было использовано Т. Парсонсом для описания негативных состояний, форм «болезни» социальной системы. Т. Парсонс ввел понятие нормы в социальное действие и указал, что нормативный элемент, встречая сопротивление при реализации социального действия, является источником социального напряжения и потенциального конфликта. Т. Парсонс зафиксировал, что социальная напряженность неразрывно связана с конфликтом: она предшествует ему и при соответствующих условиях может перерасти в конфликт [8. С. 48; 9; 10. С. 183–184].

Источник социальной напряженности, по Т. Парсонсу, связан с проблемой соотношения двух главных линий в регулировании социального действия. Социальное действие разворачивается на четырех уровнях: организм, личность, социальная система, культура. Каждый из предшествующих уровней служит предпосылкой для реализации последующего, а каждый последующий уровень действия оказывает на предшествующее обратное регулирующее воздействие, в первую очередь за счёт накопления более мощного информационного потенциала на каждом новом уровне иерархии социального действия. Наряду с прямой связью существует в структуре социального действия обратная связь. Две обозначенные линии регулирования социально-

го действия действуют в противоположном направлении. В их взаимодействии, в реальном историческом процессе образуются разрывы, несовпадения, которые могут являться причинами возникновения социальной напряженности, конфликтов, социальных взрывов, переворотов и т.д. Такие процессы Т. Парсонс называл ростом напряженности и придавал им важное значение для понимания социальных трансформаций в обществе. Стоит отметить, что проявления напряженности можно рассматривать самостоятельно на всех уровнях социального действия [11. С. 131–144].

Социальная напряженность может зависеть от уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп. П. Сорокин источниками социальной напряженности, взрывов и конфликтов называл подавленные инстинкты, потребности и рефлексy. Предотвращение напряжения и развитие общества возможны тогда, когда власти отслеживают меру удовлетворения потребностей различных социальных слоев и находят средства для их удовлетворения или компенсации, когда они не допускают серьезных разрывов между слоями общества в удовлетворении потребностей, поддерживая социальное неравенство на уровне социальной нормы [12. С. 80].

В концепции социальных изменений социальной напряженности отводится важное место. В своей книге «Функции социальных конфликтов» Козер отмечает, что обществу присуще фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворенность членов общества и проистекающая отсюда напряженность между индивидами и группами, время от времени разряжающаяся в конфликте. Таким образом, социальный конфликт сводится к напряженности между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов. Дефицит материальных, политических ресурсов, ресурсов власти, престижа является постоянным источником и причиной современных социальных конфликтов. Пока существует общество, будут конфликты и напряжения. По мнению Л. Козера, развязывание конфликта снимает напряженность и дает ей выход. При этом возможность разрядки социальной напряженности в виде конфликта имеет свои особенности. Так, чем в меньшей степени опыт социализации членов неимущих групп порождает чувство внутренней личной напряженности, тем выше вероятность того, что они будут испытывать относительные лишения. Чем больше вторичных (основывающихся на функциональных взаимосвязях) отношений между участниками конфликта там, где он происходит, тем вероятнее наличие институциональных средств, необходимых для амортизации, погашения конфликта и снятия напряженности. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше институционализированных средств для погашения конфликта и снятия напряжения окажется в ее распоряжении и тем острее конфликт. Институционализированные средства, выполняют роль «защитных клапанов» и приводят к тому, что индивиды не ставят более перед собой задачу исправить неудовлетворительную ситуацию, им нужно всего лишь снять вызванную ею напряженность, в то время как напряженная ситуация не меняется либо продолжает ухудшаться. Возникшее напряжение может быть снято через различные средства замещения, не меняя структуры отношений. В то же время блокирование неснятого или частично снятого напряжения вместо адаптации к изменившимся условиям приводит к

ужесточению структуры и создает предпосылки для разрушительного взрыва [13. С. 61–70].

Источником усиления социальной напряженности, которая может привести к возникновению социальных конфликтов, вплоть до политических взрывов, может быть рост депривации среди большинства населения, т.е. психологического состояния, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Ослаблению напряженности способствует снижение уровня депривации или ее сохранение на неизменном уровне, а ее усиление ведет к увеличению напряженности и создает психологические условия, способствующие проявлению агрессивной реакции на фрустрацию [14. С. 28–42].

В категориальный аппарат отечественной социологии понятие «социальная напряженность» прочно вошло с конца 80-х гг. В ней понятие «социальная напряженность» рассматривается в рамках теории социальных изменений и приобретает субъектно-деятельностный характер, и, таким образом изучение представлений отечественных исследователей идет в двух направлениях: как феномена и как состояния социальной системы [11. С. 131–144].

Отечественные исследователи зачастую рассматривают социальную напряженность как процесс обретения и усиления субъектности. С точки зрения В.О. Рукавишникова, социальная напряженность – это «понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера» [15. С. 15–22]. При этом социальная напряженность – это не просто сигнал о кризисном состоянии системы, о нарушении баланса ее структур и функций, она выражает определенное духовное состояние индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим индивидам и группам [16. С. 6–11].

Некоторые отечественные исследователи отмечают, что социальная напряженность возникает в результате восприятия индивидуумом сложившейся дестабилизационной, кризисной ситуации в обществе, а также что она «может быть обусловлена противоречиями в ценностных ориентациях и социальных установках, разрывом между ожидаемым и реализованным, беспокойством о завтрашнем дне» [17. С. 100–101].

Некоторые исследователи рассматривают социальную напряженность как массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации, а во многих случаях – дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям). Проявляется такой массовый адаптационный синдром в резком росте недовольства, недоверия к властям, конфликтности в обществе, тревожности, как экономической, так и психической депрессии, в ажиотажном спросе, ухудшении демографической ситуации, компенсаторных реакциях (агрессии, поиске врагов) [18. С. 40–44].

Социальная напряженность неразрывно связана с таким явлением, как социальная тревожность. Социальная тревожность – это массовые социальные настроения, выражающиеся в неприятном эмоциональном состоянии, связанном с ощущениями напряжения, ожидания неблагоприятного развития

событий. Социальная тревожность является началом осознания обществом социальных противоречий и указывает на источник возможной опасности. Осознание причин социальной напряженности ведет к ее объективизации и формированию социальных страхов, их усилению и увеличению количества. Усилению социальной тревожности способствует то, что большое количество современных угроз не могут быть объективизированы, что может привести к подмене объекта, вызывающего социальную тревожность [19. С. 172–174].

В обществе всегда существует некая подсознательная массовая тревога, указывающая на источник возможной опасности (технологической катастрофы, крупномасштабного теракта, ядерной войны и т. п.). Социальная тревожность – это феномен, имеющий эмоциональный и когнитивный компоненты. Социальная тревожность как специфический духовный феномен превращает массовые общности в субъекты социального действия. Уровень социальной тревожности может изменяться как из-за спонтанного, ситуативного изменения обстоятельств, так и по причине сознательного нагнетания обстановки. Социальная тревожность в обществе присутствует в латентной форме и усиливается, если в процессе развития событий смутное ощущение перерастает в осознание того, что удовлетворение экономических, политических, социальных, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав людей находится под угрозой или даже становится невозможным. По мере осознания угрозы и ее объективизации начинают формироваться социальные общности для противостояния угрозе [19. С. 172–174].

Социальная тревожность отражает отношение индивидов к объективным условиям их жизнедеятельности и показывает значимость и важность тех или иных потребностей. При этом сопровождающие ее социальные страхи отражают иерархию ценностей общества и выполняют оценочную функцию, сигнализируя об угрозах удовлетворению потребностей [20. С. 100–101].

Культура (особенно массовая), ее нормы и ценности являются определяющими в оценке опасностей и развитии тревожности. Еще одним источником социальной тревожности является доверие индивидов к социальным структурам и институтам, обеспечивающим безопасность индивида. Отчужденность современного человека от деятельности многих жизненно важных социальных структур и невозможность контролировать их процессы делают его беспомощным перед риском сбоев в их работе. Информация, ее достоверность и доступность являются еще одним источником тревожности в обществе. Различные факторы, в том числе бюрократизация системы управления, ведут к дефициту информации и возникновению неопределенности. Дефицит информации нередко восполняется слухами, которые являются реакцией на тревогу и страх человека, лишенного ясного понимания происходящих событий [20. С. 100–101]. Немаловажное влияние на формирование социальной тревожности оказывает деятельность СМИ. Это обусловлено стереотипизацией информации, поступающей из СМИ, несущей в себе политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей [21. С. 36–47; 22. С. 193]. Люди часто становятся жертвами распространенных предубеждений, переоценивая вероятность повторения событий, широко освещаемых СМИ. Широкое обсуждение событий в СМИ вы-

тесняет на второй план более опасные, необсуждаемые события [21. С. 172–174; 23. С. 160–162]. Стоит отметить, что причинами возникновения тревожности в стабильном обществе может быть доля спонтанности, обусловленная человеческим фактором.

Ряд исследователей, разрабатывая тему социальных страхов и тревог, включают их в состав различных «тревожных рядов». Социальный страх является важной характеристикой современности, он отражается в массовом сознании как набор разнообразных по масштабу и силе воздействия опасностей, которые, с одной стороны, индивидуальны, а с другой – присущи различным социальным группам и человечеству в целом. Социальные страхи являются результатом функционирования современного общества и возникают в процессе адаптации к изменениям среды, мобилизуют противодействие и преодоление опасностей и угроз существованию индивидов и групп. Невозможность преодоления страха приводит к возникновению деструктивных форм ужаса и паники, а также его закрепления в форме тревожного расстройства, фобии. Страх как объективное отражение социальной тревожности в трансформирующемся обществе может рассматриваться как индикатор реальных и потенциальных угроз общественного развития. Страх как объективное проявление тревожности может изучаться через рассмотрение социальной аномии, оценки адаптационных ресурсов, указывает на источник тревожности, позволяет оценить состояние социальной системы [24. С. 5].

Особенность существования современного общества такова, что большинство существующих опасностей и угроз не могут быть опредмечены. Ожидание таких неощутимых угроз вызывает сильную тревогу у индивидов. Невозможность обозначения источников тревоги приводит к искаженному представлению об истинных причинах угроз и опасностей. Большинство современных опасностей и угроз «основываются на каузальных интерпретациях, т.е. проявляются только в знании (научном или антинаучном) о них, посредством этого знания могут меняться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться; они, таким образом, в значительной мере открыты для социальных дефиниций» [25. С. 46].

Немаловажное значение для характеристики особенностей динамики социальной тревожности современного российского общества имеют социальные факторы ее возникновения. Среди важных социальных факторов, оказывающих влияние на уровень тревожности, чаще всего присутствуют основные социально-демографические характеристики: возраст, уровень образования, место жительства, материальное положение, профессиональный статус и др. [26. С. 74–78]. Анализ взаимосвязи социальных факторов и социальной тревожности указывает на ее неоднозначный характер в разные периоды времени. При этом тем не менее можно говорить о наличии определенного их влияния на социальные страхи и тревоги. Анализируя изменения социальной тревожности, Баринов отмечает, что «социальные страхи различаются в зависимости от влияния тех или иных факторов не только в кризисных и катастрофических ситуациях». Кризисные ситуации обостряют действие этих факторов, при этом они продолжают воздействовать на социальные настроения населения и в стабильные периоды развития общества [27. С. 165–169].

Влияние тревожности на личность неоднозначно, оно может как помогать личности уйти от опасности и справиться с неблагоприятным окружением, так и мешать сделать это [28. С. 218–229]. Причины возникновения тревоги лежат в ситуации неопределенной, часто неосознаваемой опасности или угрозы. При этом индивид зачастую не может объективно указать на источник тревоги. Состояние тревоги обладает собственной динамикой и может изменяться во времени [18. С. 40–44]. Влияние окружения на личность характеризуется усиленным восприятием человеком угрозы, при этом реакция на угрозу со стороны окружения приводит к постоянному нарастанию тревожности. Можно сказать, что тревожность отражает прошлый опыт индивида и позволяет прогнозировать его реакцию в будущем [29. С. 14–16].

Изменение уровня и интенсивности социальной тревожности во времени может рассматриваться как показатель трансформации структуры потребностей и иерархии ценностей социальной группы или общества в целом в меняющихся социальных условиях. Социальная тревожность является субъективным отражением изменения, и этим объясняется необходимость изучения объективного продолжения тревожности – социальных страхов. Исследование дифференциации социальных страхов помогает выявлению условий, воздействующих на уровень и динамику социальных настроений населения [26. С. 74–78].

Между социальной напряженностью и социальной тревожностью существует тесная взаимосвязь.

Появление социальной напряженности и социальной тревожности связано с изменениями, происходящими в обществе. Социальная напряженность связана с объектностью, что означает, что субъекты, являющиеся носителями социальной напряженности, всегда знают ее причины и могут направить на них свои действия, которые могут привести к удовлетворению потребностей [30. С. 107–150].

Особенностью социальной тревожности является то, что ее причины не ясны для субъекта, являющегося ее носителем. Таким образом, можно сказать, что социальная тревожность является субъектной. Так как большое количество современных угроз носят абстрактный характер и с трудом поддаются объективизации, то определенный уровень социальной тревожности может достаточно долго существовать в обществе и проявляться в ощущениях напряжения, ожидания неблагоприятного развития событий. Психологическое давление, оказываемое наличием и усилением социальной тревожности, ведет к поиску объекта, вызывающего социальную тревожность. Такой объект может быть найден, и в этом случае, социальная тревожность приводит к возникновению различных социальных страхов. Стоит отметить, что найденный объект может являться как действительной, так и подмененной причиной социальной тревожности [18. С. 40–44].

Подводя итог, классическая схема формирования социальной напряженности, проявлением которой являются протестные настроения, выглядит следующим образом:

социальная тревожность (личная) →
социальная тревожность (общественная) →
социальная напряженность.

Возникновение социальной напряженности начинается с возникновения индивидуальной (личной) социальной тревожности, причины возникновения которой часто не осознаются человеком, не оказывают прямого воздействия, но провоцируют возникновение беспокойства. Приобретая массовый характер, индивидуальная социальная тревожность трансформируется в общественную социальную тревожность, охватывающую широкие слои населения. Дальнейшее усиление социальной тревожности сопровождается объективизацией факторов, вызывающих тревогу у населения и создающих социальные страхи и социальную напряженность, которая проявляется в протестных настроениях и действиях.

Однако такая «классическая» модель не дает методологических возможностей для объяснения протестного поведения вполне благополучных и самостоятельных групп. В то же время необходимо признать, что в большинстве современных работ по социологии практически отсутствуют теоретические разработки, позволяющие объяснять наблюдаемые процессы. Причина этого в том, пишет И.Е. Дискин [31. С. 78, 79], что многие исследователи, перенимая западный опыт теоретических и практических исследователей, оставляют без должного внимания специфику процессов, протекающих в нашей стране, либо приписывают им исключительный характер, не укладывающийся в существующие теории. Дополнительно эту ситуацию усугубляет отсутствие спроса на теоретические конструкции, объясняющие существующие механизмы институционального функционирования со стороны представителей власти, волонтаристски настроенных.

Однако эмпирические исследования последних лет фиксируют активизацию «процессов коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ», направленных на защиту своих интересов в силу невозможности отстоять интересы индивидуально на законных основаниях [31. С. 78, 79].

Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки [32. С. 51, 52]. В настоящее время в стране происходит постепенная смена ориентира от стабильности к развитию. Имеет место «очевидное противоречие между прежней политикой поддержания стабильности, с одной стороны, и декларируемым властью переходом к политике модернизации» [31. С. 78, 79]. Разрешение противоречия требует использования новых моделей социального действия и соответствующих социальных институтов. Для их возникновения необходимы носители таких моделей поведения, их консолидация в устойчивые социальные субъекты и интеграция в существующую социальную систему.

У «благополучного класса» («продвинутых групп») сформировался институциональный запрос на новый институциональный порядок. Последние годы стабильности позволили благополучным слоям населения начать планировать свою жизнь в среднесрочной перспективе. Переходу от ситуативного реагирования к личным среднесрочным стратегиям сопутствует рационализация и активность. По мнению И.Е. Дискина, «эти социальные изменения – результат не только собственно макросоциальных изменений, но и продукт одновременного взаимодействия с быстро менявшейся институциональной средой». «Ушла в прошлое традиционалистская Россия со слепым под-

чинением авторитетам и государственным идеологиям. Впервые в истории появились массовые слои, ориентирующиеся на индивидуальный выбор и личную ответственность. Для них высокое значение имеют ценности суверенитета личной и партикулярной жизни, которые они стремятся защищать от любой экспансии государства» [33. С. 224].

Может ли такой подход дать объяснительные возможности для анализа характера социальной напряженности в ноябре 2011 – марте 2012 г.?

Была выдвинута гипотеза, что наличие социальной напряженности и ее проявление среди представителей «благополучного» класса может объясняться несогласованностью в целях, декларируемых государством, средствах их осуществления и результатах, к которым они приводят (продолжающаяся коррупция, произвол чиновников, полиции).

Для измерения уровня социальной напряженности и социальной тревожности обычно используются анкетные опросы на основе репрезентативной выборки, в которых происходит измерение социального самочувствия, отношение к социальным проблемам и причинам, вызывающим у людей беспокойство.

В нашем случае для измерения социальной напряженности и тревожности были использованы такие индикаторы, как:

– уровень самооценки респондентами своего материального положения, который позволяет оценить текущее состояние материального положения и разделить респондентов на 3 условных класса по уровню достатка: состоятельные, средний уровень и бедные (использовался вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи?»);

– оценка изменений в жизни респондента, произошедшая за последний год (использовался вопрос «Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?»);

– уровень социального оптимизма респондента по отношению к своему будущему, который показывает, как респонденты настроены по отношению будущего своего города и какие настроения преобладают в обществе – пессимистические или оптимистические (использовался вопрос «Как Вы считаете, жизнь в городе в ближайшем будущем...?»);

– рейтинг социальных проблем, который использовался для выявления проблем, вызывающих наибольшее беспокойство в обществе (использовался вопрос «Какие из проблем нашего общества беспокоят Вас лично больше всего?»).

Представленная гипотеза проверялась в ходе исследований в городе Красноярске, которые были проведены в 2008–2012 гг. Это были исследования мониторингового типа. Выборочная совокупность исследований репрезентировала население города Красноярска в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту и образованию (на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю). Общий объем выборки каждого опроса составил 1200 человек. При такой величине выборки средняя ошибка может достигать максимально 2,8%, если рассматривать всю выборочную совокупность.

Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, рост за 2011 г. среднедуше-

вого дохода населения составил 9,0% по Красноярскому краю, а по городу Красноярску этот показатель был еще выше.

Индекс самооценки материального положения жителями города Красноярска представлен в табл. 1. Анализ уровня самооценки материального положения показывает, что, несмотря на рост среднедушевого дохода, за 5 месяцев (с июня по ноябрь 2011 г.) произошло снижение индекса материального положения на 11 пунктов – с 54 до 43, в то время как с сентября 2009 г. наблюдался стабильный рост этого индекса. Более детальное изучение показывает, что снижение индекса произошло за счет перераспределения граждан из группы, имеющей средний уровень достатка, в группы респондентов с высоким достатком (+2,1%) и низким достатком (+3,8%). После такого серьезного снижения индекса самооценки материального положения в ноябре 2011 г., в феврале 2012-го зафиксирован его значительный рост (+32). В этот период времени произошло увеличение групп респондентов, имеющих высокий достаток (+6,9%), средний достаток (+10,8%), а также снижение долей респондентов, оценивающих свое материальное положение как низкое (-14,7) и затруднившихся с ответом (-3,0%). Аналогичные данные, полученные в июне 2012 г., показывают снижение значения индекса на 18 пунктов и выход его на уровень, близкий к уровню июня 2011 г.

Таблица 1

Индекс самооценки материального положения жителями города Красноярска («Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи?»)

	Декабрь 2008 г.	Февраль 2009 г.	Сентябрь 2009 г.
Высокий достаток	13,7	10,5	12,5
Средний достаток	50,8	35,7	41,4
Низкий достаток	31,3	44,4	40,8
Затрудняюсь ответить	4,2	9,4	5,4
Индекс $I_{МП}^*$	33	2 (-31)	13 (+11)
Индекс ВЦИОМ	39	41 (+2)	48 (+7)

Продолжение табл. 1

	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Ноябрь 2011 г.	Февраль 2012 г.	Июнь 2012 г.
Высокий достаток	11,3	11,9	14,0	20,9	13,0
Средний достаток	57,2	64,3	55,0	65,8	64,0
Низкий достаток	24,6	22,7	26,5	11,8	20,2
Затрудняюсь ответить	6,9	1,1	4,5	1,5	2,8
Индекс $I_{МП}^*$	44 (+31)	54 (+10)	43 (-11)	75 (+32)	57 (-18)
Индекс ВЦИОМ	55 (+7)	61 (+6)	50 (-11)	61 (+11)	65 (+4)

* Примечание. $I_{МП}$ = S положительных и средних оценок – S отрицательных оценок.

Индекс «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?», используемый ВЦИОМ для самооценки материального положения жителями России, показывает сходную динамику в исследуемом периоде времени. По данным ВЦИОМ, начиная с декабря 2008 г. происходит рост этого индекса, падение в ноябре 2011 г. и дальнейшее восстановление значений. Стоит отметить, что с июля 2011 г. этот индекс стабильно снижался в течение нескольких месяцев подряд [34].

Однако несмотря на снижение самооценки материального положения, самооценка изменений жизни за год демонстрирует положительную

динамику. Индекс изменений показывает, что с декабря 2010 по ноябрь 2011 г. произошло его увеличение на 11 пунктов – с 43 в декабре 2010 г. до 54 в ноябре 2011 г. (табл. 2). Исследования, проведенные в феврале и мае 2012 г., показывают, что рост этого индекса продолжился: в феврале индекс вырос на 14 пунктов, а в мае еще на 4.

Изменения, произошедшие в вышеперечисленных индикаторах, позволяют сделать вывод об отсутствии объективных экономических причин, способных вызвать усиление социальной тревожности и социальной напряженности. Это подтверждает и информация, опубликованная на официальном сайте Левада-Центра. Согласно этой информации экономический кризис прошел для россиян без серьезных социальных потрясений, хотя при этом кризис серьезно поколебал уверенность населения в завтрашнем дне, несмотря на рост удовлетворенности жизнью [35].

Таблица 2

Индекс оценки изменений в жизни респондентов («Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?»)

	Декабрь 2010 г.	Ноябрь 2011 г.	Февраль 2012 г.	Май 2012 г.
Значительно улучшилась	3,3	3,7	2,9	6,3
Немного улучшилась	15,8	20,4	21,5	25,8
Не изменилась	51,3	51,8	58,7	51,5
Немного ухудшилась	21,0	14,8	10,3	7,1
Значительно ухудшилась	6,4	6,7	4,5	3,9
Затрудняюсь ответить	2,2	2,6	2,1	5,5
Баланс положительных и отрицательных оценок	- 8,3	2,6 (+10,9)	9,6 (+7,0)	21,1 (+11,5)
Индекс	43	54 (+11)	68 (+14)	72 (+4)

Таблица 3

**Индекс оценки уровня социального оптимизма
(«Как Вы считаете, жизнь в городе в ближайшем будущем...?»)**

	Декабрь 2008 г.	Февраль 2009 г.	Сентябрь 2009 г.	Декабрь 2010 г.
Изменится в лучшую сторону	21,8	16,9	34,9	23,4
Останется без изменений	35,6	29,0	35,4	39,8
Изменится в худшую сторону	22,8	23,8	12,0	19,0
Затрудняюсь ответить	19,8	30,3	17,7	17,8
Баланс положительных и отрицательных оценок	- 1	- 7	23	4
Индекс	35	22 (-13)	58 (+36)	44(-14)
Индекс ВЦИОМ	42	35 (-7)	56 (+21)	60 (+4)

Продолжение табл. 3

	Июнь 2011 г.	Ноябрь 2011 г.	Февраль 2012 г.	Май 2012 г.
Изменится в лучшую сторону	26,9	21,3	25,6	33,4
Останется без изменений	54,6	41,5	40,9	37,1
Изменится в худшую сторону	13,5	16,7	9,1	7,9
Затрудняюсь ответить	5,0	20,6	24,4	21,6
Баланс положительных и отрицательных оценок	13	5	17	26
Индекс	68 (+24)	46 (-22)	57 (+11)	63 (+6)
Индекс ВЦИОМ	59 (-1)	65 (+6)	67 (+2)	70 (+3)

Еще одним важным параметром для оценки социального самочувствия населения, в том числе социальной напряженности и социальной тревожности, служит определение уровня социального оптимизма. Как показывают результаты исследований, в уровне социального оптимизма присутствует положительный тренд (табл. 3). Наименьший уровень социального оптимизма был отмечен в феврале 2009 г., когда респонденты ощутили на себе последствия мирового финансового кризиса. Уже в сентябре 2009 г. зафиксировано существенное увеличение значения индекса – на 36 пунктов (с 22 до 58). Индекс ВЦИОМ, измеряющий социальный оптимизм по России в целом, имеет сходную динамику роста. Индекс социального оптимизма жителей Красноярска имеет свои особенности. Несмотря на общий положительный тренд и совпадения тренда индекса с общероссийским индексом ВЦИОМ, наблюдается значительное уменьшение значения индекса по сравнению с предыдущими периодами – в декабре 2010 и ноябре 2011 г.

Уровень социальной тревожности и социальных страхов респондентов отслеживается по изменению обеспокоенности социальными проблемами. Как показывают результаты исследований, с июня по ноябрь 2011 г. в рейтинге социальных проблем на одно из первых мест вышли экологические проблемы, связанные с протестными настроениями против строительства Енисейского ферросплавного завода, который хотят построить на окраине Красноярска. В то время как по таким значимым проблемам, как обеспокоенность высокими ценами на услуги ЖКХ, рост цен, низкий уровень заработных плат, наркомания и алкоголизм, зафиксировано уменьшение частоты их упоминания (табл. 4).

Таблица 4

Проблемы, вызывающие беспокойство у горожан (приведены 10 наиболее упоминаемых проблем)

	Апрель 2012 г.		Ноябрь 2011 г.		Июнь 2011 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Высокие цены на услуги ЖКХ	54,7	1	53,8	1	57,5	1
Рост цен	48,2	2	50,5	2	56,3	2
Экологические проблемы	23,5	8	34,5	3	21,9	9
Низкий уровень заработной платы	38,9	3	34,4	4	45,8	4
Тревога за будущее детей и внуков	33,9	5	33,7	5	34,3	5
Рост наркомании, пьянства	28,8	6	30,5	6	46,0	3
Автомобильные пробки на дорогах	22,0	9	27,0	7	26,1	8
Низкое качество медицинских услуг	26,3	7	21,3	8	26,4	7
Недостаточное благоустройство улиц и дворов	37,8	4	18,7	9	33,1	6
Безработица, отсутствие новых рабочих мест	18,5	10	16,6	10	17,9	10

Анализ полученных данных в разрезе социально-демографических характеристик показывает, что экологические проблемы беспокоят в первую очередь лиц, имеющее высшее образование, лиц, занимающих руководящие должности, предпринимателей, интеллигенцию, студентов, а также лиц, имеющих высокий и средний уровень достатка. Перечисленные социальные группы являются наиболее активной частью населения и, как можно определить, в большинстве своем принадлежат к рассматриваемому «благополучному» классу города. У «благополучного» класса проблемы материального

достатка отошли на второй план, и существенное беспокойство вызывают проблемы экологии и качества жизни.

Строительство Енисейского ферросплавного завода стало главным фактором усиления социальной напряженности и социальной тревожности у изучаемых слоев населения. Дополнительным стимулом к усилению социальной напряженности стало отсутствие каких-либо комментариев и действий со стороны представителей властей, создававшее впечатление попытки «замолчать» сложившуюся ситуацию. Усилило возросшее напряжение вызывающее поведение руководства Енисейского ферросплавного завода. Дальнейшее развитие ситуации привело к протестным действиям представителей «благополучного» класса.

Накануне выборов Президента Российской Федерации, состоявшихся в марте 2012 г., органы власти прислушались к общественному мнению и для снижения социальной напряженности стали предпринимать активные действия по отмене решения о строительстве Енисейского ферросплавного завода и широко освещать это через все виды средств массовой информации. Следствием таких действий стало изменение рейтинга актуальных проблем, беспокоящих респондентов в апреле 2012 г. Первое и второе место сохранились за такими проблемами, как «высокие цены на услуги ЖКХ» и «рост цен», а обеспокоенность «экологическими проблемами», занимавшая третье место ноябре 2011 г., переместилась на восьмое место, вернувшись к своему исходному уровню. Несмотря на снижение значимости «экологических проблем» в рейтинге, благодаря усилиям органов власти, исследования, проведенные методом группового фокусированного интервью, показали сохранение однозначно негативного отношения респондентов к строительству Енисейского ферросплавного завода и готовность людей отстаивать свои права, участвуя в акциях протеста.

Таким образом, приведенные данные позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу, что наличие социальной напряженности и ее проявление среди представителей «благополучного» класса могут объясняться несогласованностью в целях, декларируемых государством, средствах их осуществления и результатах, к которым они приводят.

Дополнительным доказательством выдвинутой гипотезы, может служить изучение результатов выборов депутатов Государственной думы РФ, прошедших 4 декабря 2011 г.

О протестном голосовании на выборах свидетельствует то, что, несмотря на активное ведение избирательных кампаний, рейтинг основных партий, за изучаемый период времени, существенно не изменился, в то время как на выборах партии, оппозиционные к действующей власти, набрали значительно больше голосов, чем прогнозировалось.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что понятие «благополучный класс» как класс, имеющий определенный уровень материального благополучия, в классическом смысле «не работает». Социальная напряженность может вызываться несоответствием общественных целей и средств их достижения, в чем начинает видеться личное неблагополучие. Возможно, именно такой характер формирования социальной напряженности является одним из признаков демократизации российского общества.

Литература

1. Федоров В.В. Большевиcтские грабли // Газета «Труд». 2012. Февр. № 025. – URL: http://www.trud.ru/article/22-02-2012/272780_valerij_fedorov_bolshevistskie_grabli.html
2. Шмонин Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3. – URL: <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199930702.html>
3. Губина Н.В. Управление социальным тоном монопрофильного города: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук, Казань, 2010.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
5. История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов / Под ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: НОРМА, 2001. 576 с.
6. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия: Социология преступности. М., 1965.
7. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 2. С. 118–124.
8. Парсонс Т. Теория коллективного поведения. М., 1972. С. 48.
9. Керимзаде И.Т. Социальная напряженность как научная проблема. Научно-издательский центр «Социосфера». – URL: http://sociosphaera.ucoz.ru/publ/konferencii_2010/problema_socialnoj_naprjazhonnosti_socialnaja_naprjazhennost_kak_nauchnaja_problema/7-1-0-90
10. Кужонков П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (серия социальные науки). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. 2004. № 1.
11. Баранова Г.В. Человек, социальная напряженность и государство // Человек и государство в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. Орел: ОРАГС, 2008. С. 131–144.
12. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996.
13. Козер Л. Функции социальных конфликтов. М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. книги, 2000. 205 с.
14. Рукавишников В.О. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года – адаптация к кризису // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 28–42.
15. Рукавишников В.О. Пик напряженности под знаком белого коня // Социс. 1990. № 10. С. 15–22.
16. Рукавишников В.О. Социальная напряженность // Диалог. 1990, № 8. С. 6–11.
17. Муханова М.Н. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР // Социс. 1991. № 7. С. 100–102.
18. Прилутская О.А. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления // Вестник ОГУ. 2001. № 4. С. 40–44.
19. Бузовский И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. С. 169–176.
20. Баринов Д.Н. Социальная тревожность: аксиологический аспект // Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России: Материалы IV Междунар. науч. конф. Курган, 2008. С. 100–101.
21. Попов В.Д. Социальная информатология: проблемы становления и развития. М.: РАГС, 2004. 69 с.
22. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994.
23. Баринов Д.Н. Реклама и PR как средства формирования социальной тревожности // Научно-информационный межвузовский журнал «Аспирантский вестник Поволжья». 2008. № 5–6. С. 160–162.
24. Витковская М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 5.
25. Бек К. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс Традиция, 2000. 384 с.
26. Баринов Д.Н. Страхи и тревоги в современной России: социальное самочувствие россиян в условиях кризиса // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 33 (171). Философия. Социология. Культурология. С. 74–78.
27. Баринов Д.Н. Региональная специфика социальной тревожности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. Вып. 8. С. 165–169.

28. Орлова Е.А. К постановке вопроса о месте категории тревожности в социальной психологии // Проблемы социальной психологии. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1976. С. 218–229.
29. Гредюшко О.П. Социально-психологические факторы тревожности студентов ССУЗ педагогического профиля: Дис. ... канд. психол. наук. Казань. 2004. 161 с.
30. Бородкин Ф.М. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. Т. 6, № 4. С. 107–150.
31. Дискин И.Е. Россия, которая возможна. М.: Юрист, 2011. 176 с.
32. Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М.: КоЛибри, 2005. 368 с.
33. Дискин И.Е. Революция против свободы: Сборник. М.: Европа. 2007. 236 с.
34. Индексы социального самочувствия // ВЦИОМ. – URL: <http://wciom.ru/178/>
35. Волков А.Д. Выборы в России как реализация протестной стратегии // Левада-Центр. – URL: <http://www.levada.ru/16-12-2011/vybory-v-rossii-kak-realizatsiya-protestnoi-strategii>